

зяйства и др. Такой объем правосубъектности определяется как специальный экологический. Важной особенностью экологической правосубъектности юридических лиц является то, что для возникновения прав и обязанностей недостаточно факта государственной регистрации, а необходимо реальное воздействие рассматриваемого субъекта на окружающую среду. На наш взгляд, О.И. Саморукова выделила весьма важный признак экологической правосубъектности юридических лиц, так как нас интересует экологически значимый результат хозяйственной деятельности и его отражение на состоянии окружающей среды [3]. При этом следует обратить внимание на то обстоятельство, что не только (и не столько) наличие экологической правосубъектности создает особое эколого-правовое положение юридического лица, но также и любое вредное воздействие на окружающую среду как последствие ведения хозяйственной деятельности, на что указывает вся глава 6 Закона «Об охране окружающей среды», устанавливающая экологические требования в отношении практически всех видов экономической деятельности.

Таким образом, необходимость изучения экологического положения юридических лиц обусловлена в первую очередь тем, чтобы найти баланс соотношения их экологических прав и обязанностей в процессе осуществления хозяйственной деятельности. Это будет являться гарантией реализации принципа обоснованного сочетания экологических и экономических интересов общества в целях обеспечения благоприятной окружающей среды граждан.

Библиографические ссылки

1. Васильева, М. И. Субъекты экологических правоотношений / М. И. Васильева // Вестник Московского университета им. М. В. Ломоносова. – 2009. – № 5. – С. 3–27.
2. Макарова, Т. И. Эколого-правовой статус граждан Республики Беларусь / Т. И. Макарова. – Минск : БГУ, 2004. – 230 с.
3. Саморукова, О. И. Эколого-правовой статус предприятия : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.06 / О. И. Саморукова ; Ин-т государства и права Росс. акад. наук. – М., 2009. – 25 с.

Мороз О. В.

ПРАВОВЫЕ ПОДХОДЫ К ОРГАНИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

Белорусский государственный университет, г. Минск, Беларусь

Опыт как правового закрепления, так и научного представления об организационных основах государственной экологической экспертизы (далее – ГЭЭ) позволяет выделить несколько подходов к ее организации, которые следует учитывать при гармонизации правового регулиро-

вания соответствующих отношений в контексте межгосударственных интеграционных процессов. Один из них состоял в том, что функция по проведению такой экспертизы была свойственна нескольким государственным органам наряду с иными функциями, не связанными с охраной окружающей среды. Эта позиция имела место на раннем этапе развития законодательства в данной сфере, когда при проверке технико-экономического обоснования параллельно проверялось экологическое обоснование проекта. При этом выводы зачастую делались не в пользу последнего [1, с. 116].

В отличие от действующего Закона Республики Беларусь «О государственной экологической экспертизе, стратегической экологической оценке и оценке воздействия на окружающую среду» от 18 июля 2016 г. в предыдущих головных нормативных правовых актах в исследуемой сфере закрепление нашел подход, согласно которому ГЭЭ проводится в рамках природоохранного органа наряду с иными функциями по охране окружающей среды. Представляется, что проверка и оценка намечаемой деятельности ограничивалась специальным познанием незначительного числа штатных экспертов, несмотря на имевшуюся правовую возможность создавать экспертные комиссии с привлечением внештатных экспертов.

Некоторые авторы, критикуя такую организацию ГЭЭ, в свое время предлагали создание независимого органа, который будет специализироваться на ее проведении. При этом потребность во вневедомственности эколого-экспертной деятельности во многом связывалась как с опасениями сохранения ее роли, так и с обеспечением эффективности выполнения возложенных задач [2, с. 73]. По мнению О. Н. Сапрановой такая необходимость обусловлена спецификой выполняемых экспертизой функций, прямой ответственностью за качество, сроки ее проведения, эффективным расходованием денежных средств, а также загруженностью природоохранных органов многочисленными функциями в области комплексного регулирования охраны и использования природных ресурсов [3, с. 79]. В. И. Андрейцевым предлагалось создание самостоятельного центра по проведению экологической экспертизы при каком-либо высшем органе государственного управления, так как «построенная на принципах административного отправления государственной службы экспертная деятельность лишена фундаментального научного подхода при проведении экологической экспертизы» [4, с. 98–99]. Как видится, на практике существовала возможность оказывать влияние вышестоящих органов на ее проведение. Так, в свое время руководителям областных комитетов природных ресурсов и охраны окружающей среды поручалось содействовать ускоренному прохождению согласо-

тельных процедур по совершенствованию стационарной сети связи Республики Беларусь. С этой целью им предписывалось обеспечить проведение ГЭЭ в 5-дневный срок [5].

Своеобразным компромиссом следует оценивать сложившийся в действующем законодательстве подход о проведении ГЭЭ Республиканским центром государственной экологической экспертизы и повышения квалификации руководящих работников и специалистов Министерства природных ресурсов и охраны окружающей среды Республики Беларусь, который наделен исключительным правом по ее осуществлению. С одной стороны, такая экспертиза не проводится напрямую государственным органом, заключение подписывается проводившими ГЭЭ специалистами Республиканского центра и утверждается его приказом. С другой стороны, учреждение ее осуществляющее входит в систему указанного министерства и проводит ее в рамках административной процедуры. Как видим, эксперты имеют большую независимость от государственных органов. Полагаем, что обеспечение независимости специалистов, ее осуществляющих, в основном независимости при формировании эколого-экспертного мнения, следует признать одним из главных критериев при выборе формы организации ГЭЭ. Это будет способствовать объективности эколого-экспертного заключения.

Новую организацию ГЭЭ Т. И. Макарова рассматривает как разгосударствление экологической функции государства, т. е. передачу отдельных функций государственного управления природоохранной сфере из ведения органов государственного управления государственным учреждениям, иным юридическим лицам. По ее мнению, такой вариант возможен при условии, что это соответствует принципам управления и способствует оптимизации осуществления управленческих задач. В данном случае «на первый план выходит профессионализм специалистов-экологов, их способность дать квалифицированную оценку достаточности и обоснованности планируемых или применяемых природоохранных мер ...» [6, с. 223–226], что является доводом в пользу такого подхода.

Относительно дальнейшей перспективы совершенствования организационно-правовых основ ГЭЭ следует учитывать Декрет Президента Республики Беларусь «О развитии предпринимательства» от 23 ноября 2017 г. Согласно данному документу возможна оптимизация объектов и правил проведения государственной экспертизы проектной документации и государственных санитарно-гигиенической и экологической экспертиз проектной документации на строительство объектов вплоть до внедрения единой комплексной государственной строительной экспертизы проектной документации. Возможно, это станет прологом к

созданию независимого единого органа по проведению такого рода экспертиз. Необходимо отметить, что нормы Декрета главным образом направлены на развитие предпринимательской инициативы и стимулирование деловой активности, поэтому при совершенствовании организации ГЭЭ в соответствии с данным подходом следует учитывать концепцию устойчивого развития, предполагающую оптимальное сочетание экономических, социальных и экологических интересов.

Библиографические ссылки

1. Мороз, О. В. Развитие законодательства об экологической экспертизе / О. В. Мороз // Юридический журнал. – 2007. – № 2. – С. 112–117.
2. Дубовик, О. Л. Экологическое право : элементарный курс / О. Л. Дубовик. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Юристь, 2004. – 304 с.
3. Сапранова, О. Н. Законопроекты по экологической экспертизе (сравнительный анализ) / О. Н. Сапранова // Вестн. Моск. гос. ун-та. Сер. 11, Право. – 1994. – № 4. – С. 75–81.
4. Андрейцев, В. И. Экологическая экспертиза: проблемы организации и кодификации законодательства / В. И. Андрейцев // Советское государство и право. – 1991. – № 7. – С. 94–103.
5. Об ускорении выполнения согласовательно-разрешительных процедур : письмо М-ва природ. ресурсов и охраны окружающей среды Респ. Беларусь, 23 февр. 2007 г. // Архив Министерства природных ресурсов и охраны окружающей среды Республики Беларусь. № 14-10/699.
6. Макарова, Т. И. Об инновационном подходе к управлению в области охраны окружающей среды / Т. И. Макарова // Традиции и инновации в праве : материалы междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 20-летию юрид. фак. и 50-летию Полоц. гос. ун-та, Новополоцк, 6–7 окт. 2017 г. : в 3 т. / Полоц. гос. ун-т, Регион. учеб.-науч.-практ. юрид. центр ; редкол.: И. В. Вечера (отв. ред.) [и др.]. – Новополоцк : Полоцкий гос. ун-т, 2017. – Т. 2. – 288 с.

Нуридуллаев А. А.

СООТНОШЕНИЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ И НАЦИОНАЛЬНЫХ ПРАВОВЫХ НОРМ, РЕГУЛИРУЮЩИХ ОХРАНУ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ ОТ ПРЕСТУПНЫХ ПОСЯГАТЕЛЬСТВ

Военно-технический институт Национальной гвардии Республики Узбекистан, г. Ташкент

Охрана окружающей среды от различных противоправных воздействий является одной из приоритетных задач уголовной, административной, экологической и других правовых сфер. Рост количества экологических правонарушений, снижение качества окружающей среды требуют повышения уровня правовых норм охраны окружающей среды, объединения общих усилий по решению данной проблемы. По ряду причин экологические проблемы и вопрос охраны окружающей среды